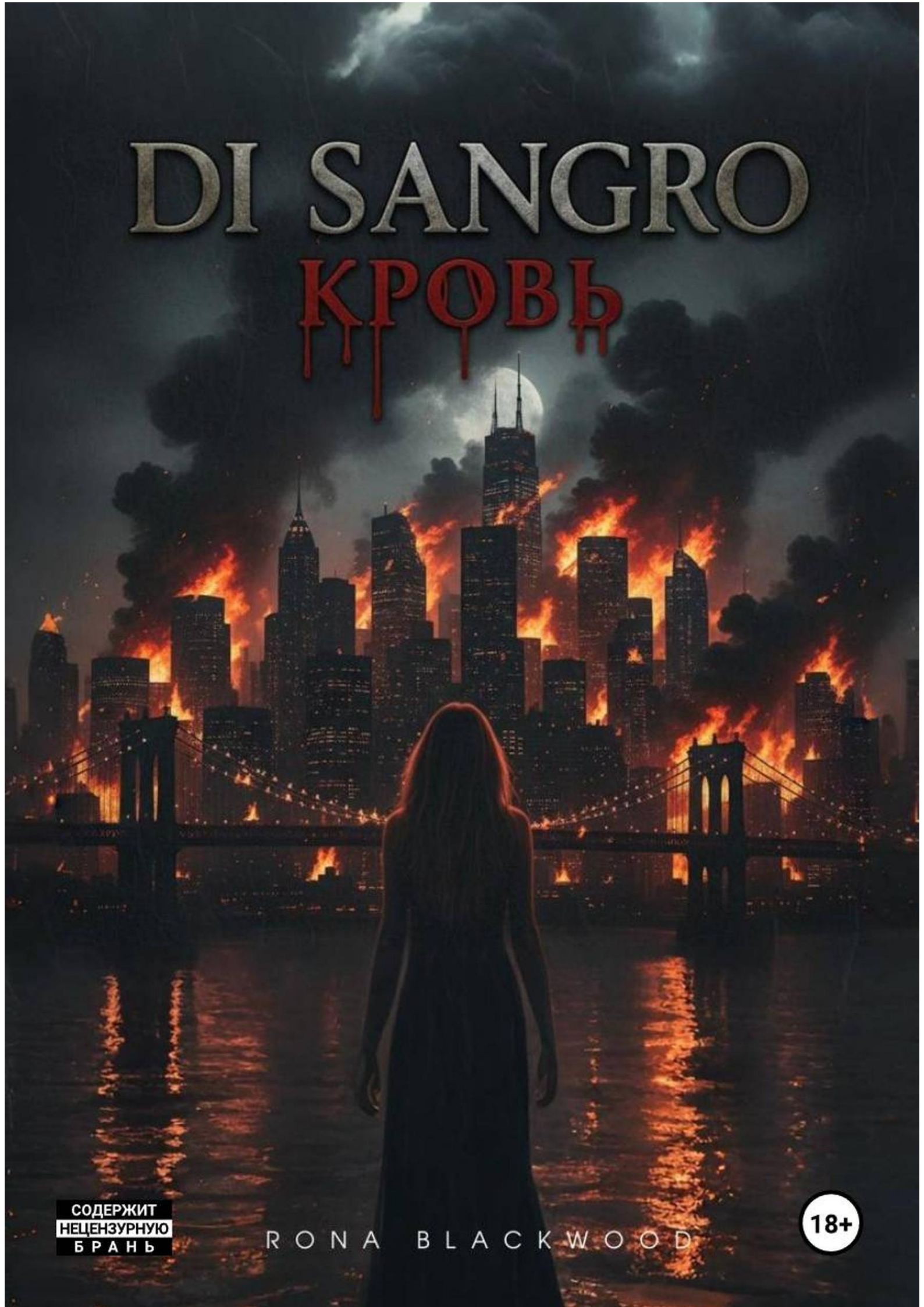

DI SANGRO

КРОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

RONA BLACKWOOD

18+

Rona Blackwood

Ди Сангро: Кровь

«Автор»

2026

Blackwood R.

Ди Сангро: Кровь / R. Blackwood — «Автор», 2026

Лючия ди Сангро — наследница империи, которой у неё никогда не суждено было править. После убийства отца, главы могущественного нью-йоркского клана, её слабый и алчный брат Марко едва не топит дело семьи в тщеславии и наркотиках. Но истинная власть не нуждается в титулах. Чтобы спасти имя ди Сангро и найти убийцу, Лючия плетёт сеть из информаторов в домах всех пяти донов и становится «тенью» собственного брата — его мозгом, его волей и его самой опасной тайной. Но её план рушится, когда за ней начинают следить люди из клана Гуэрра. Их послал холодный и расчётливый наследник — Сальваторе. Её враг. Сын человека, который тридцать пять лет назад поклялся уничтожить семью ди Сангро. Одна пуля. Один поцелуй. Одна сделка, скреплённая кровью.

© Blackwood R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Rona Blackwood

Ди Сангро: Кровь

Глава 1

Каблуки отбивали по каменному полу глухие, чёткие шаги — будто сердце этого здания билось в такт моим шагам. Я шла к брату, прижимая к груди стопку папок, и в груди вместе с дыханием жила тихая, твёрдая уверенность.

Но вдруг в ритм вплелся лёгкий, назойливый скрежет — словно камень вздохнул под ногой. Я остановилась, взглянула на подошву: в неё врос, как заноза, маленький острый камушек.

— Minchia! — вырвался шёпот, и я, прильнув к прохладной стене коридора, принялась выковыривать незваного попутчика, пока эхо шагов не смолкло вокруг.

Идиотизм. Отец бы сжёг меня взглядом за такую слабость. Вспомнилось, как в четырнадцать, во время ночных «учений» по пересечению территории конкурентов, я напоролась на ржавую арматуру. Рана выше щиколотки сочилась тёмной кровью, пропитывая ботинок. Я прихрамывала. Его тень накрыла меня. *«Ты истекаешь силой, Лючия, а не кровью. Силу не остановить. Иди»*. И я шла. Два километра. Шаг в шаг с его молчанием. Потом он сам обработал рану во дворе, не вызывая доктора. *«Запомни: твоя боль — это информация только для тебя. Для всех остальных — у тебя не дрогнул даже ресницы. Война выигрывается в мелочах. Умри, но не прерви шаг»*.

Камушек звякнул о пол и закатился под массивный, тёмный сундук семнадцатого века. Продолжал бы он лежать там в пыли, если бы я не остановилась. Возможно, он спас бы меня от ошибки. Но ошибок я уже не делала. Не позволяла.

Воздух в особняке был неподвижным и мёртвым, как в гробнице. Как и всё, к чему прикоснулся Марко. Не пахло ни жизнью, ни едой — только воск для паркета и едкая пыль, ввевшаяся в тяжёлые рамы портретов предков. Тишина была настолько идеальной, что крики Марко из кабинета резали её, как нож ржавую ткань.

Дверь в кабинет отца была приоткрыта. Из щели лился жёлтый свет и голос — громкий, срывающийся на фальцет. Голос моего брата, Марко.

— Я не просил твоих советов, Пьетро! Ты бухгалтер, а не консьюэри! Если цифры не сходятся, заставь их сойтись! Или я найду того, у кого лапки не из жопы растут!

Я замерла на пороге, давая ему закончить спектакль. Через щель виделся край отцовского стола, за который он когда-то сажал меня, чтобы объяснять устройство баланса власти. А ещё он учил меня здесь же, на этой лестнице: *«Смотри на руки, Лючия. Тот, кто снимает пальто медленно, с расстановкой — показывает, что он в гостях. Тот, кто стряхивает снег одним резким движением — уже чувствует себя хозяином. А тот, кто позволяет снять пальто слуге, даже не оглянувшись, — хозяин тебе. Истинная власть — не в том, как ты стучишь каблуками. Она — в тишине между этими ударами. В паузе, которую все ждут, заставив дыхание»*. Теперь за этим столом, развалясь в кожаном кресле, сидел Марко. Его лицо было раскрасневшимся от гнева и, как мне показалось, от последствий вчерашней ночи. Перед ним, сгорбившись, стоял Пьетро — седой, верный отцу бухгалтер. Его руки дрожали.

— Дон Марко, я пытаюсь... Но мексиканцы... они требуют процент сразу, а отгрузка задерживается из-за проблем в порту... полиция...

— Полиция у меня в кармане! — рявкнул Марко, ударив кулаком по столу. Звякнула хрустальная пепельница. — Твоя работа — считать, а не думать! Убирайся!

Пьетро, не поднимая глаз, попятился к двери. Увидев меня, он вздрогнул, в его глазах мелькнуло что-то — то ли надежда, то ли стыд. На мгновение я увидела не этого сломленного старика, а того Пьетро: прямой, как кипарис, в идеально отутюженном костюме. Он улыбался, доставая из кармана леденец на палочке в виде петушка. *«Для моей принцессы, чтобы цифры в учебнике не казались такими кислыми»*. Его пальцы тогда были уверенными, пальцами чело-

века, который держит в руках не карандаш, а судьбы. Он молча склонил голову и прошмыгнул в коридор.

Я вошла, позволив двери закрыться за мной с тихим, но весомым щелчком.

Марко откинулся в кресле, проводя рукой по лицу.

— Этот старый кретин... — начал он, но, подняв на меня взгляд, оборвал. Его выражение сменилось с раздражения на привычную маску снисходительности. — Лючия. Я не звал.

— Я знаю, — мой голос прозвучал тихо, заполнив внезапно наступившую тишину. — Но ты нуждаешься во мне.

Он фыркнул, взял со стола сигарету, долго прикуривал.

— О, правда? И в чём же?

Я подошла к столу и положила перед ним первую папку. Белая картонная обложка. Никаких надписей.

— Это — твои текущие активы. Вернее, то, что от них осталось. За последние три месяца отток составил сорок семь процентов. Не из-за плохих инвестиций. Из-за того, что ты платишь дань и мексиканскому картелю, и калабрийцам за одно и то же право на поставку. Они тебя держат за дурака, Марко.

Он побледнел. Рука с сигаретой замерла на полпути ко рту.

— Откуда ты...

Вторая папка, синяя, легла рядом.

— Проблемы в порту. Не «полиция». Это Никколо Риччи со своими людьми саботирует разгрузку, потому что ты не заплатил его дяде за прошлогоднюю сделку с оружием. Он сливает информацию таможене. Каждый задержанный контейнер — это минус сто тысяч евро и рост интереса финансовой полиции.

Третья папка, красная.

— А это — полный список твоих солдат, которые за последние два месяца получали звонки с трёх конкретных номеров. Номера зарегистрированы на подставные фирмы. Картели.

Слово застряло в воздухе, как запах грозы. Марко не дёрнулся. Он застыл. Ещё с детства он был нерешительным, плаксивым и нежным. Он был маминым сынком. Если он падал и ушибался, то сразу начинал реветь и бежал, чтобы его пожалели. Я не была такой.

— Кто-то вынюхивает, — тихо сказала я. — Ищет слабое место. И находит. Оно сидит в отцовском кресле и думает, что может криком решить проблемы, которые требуют scalpella.

Я обошла стол и остановилась у окна. Внизу раскинулся наш сад. Там, в оранжерее, отец учил меня разбирать пистолет, когда мне было двенадцать.

— Отец оставил тебе титул, Марко. И больше ничего. Ни ума, чтобы его удержать, ни воли, чтобы его защитить. Он оставил меня — с клятвой отомстить. А тебе оставил тонущий корабль. Ты уже наделал в его борту пробоин. Скоро он пойдёт ко дну, и тебя засосёт вместе с нашим именем.

За моей спиной раздался скрип кресла.

— И что ты предлагаешь? — его голос был хриплым, лишённым прежней бравады. В нём слышалось то самое, детское нытьё, которое я помнила с детства.

Я повернулась к нему. Наши глаза встретились. В его — паника хищника, загнанного в угол, но не знающего, как сражаться.

— Я предлагаю здравый смысл. Чтобы победить врага, его нужно понять. А я уже начала.

Он молчал, кусая губу. Борьба была написана на его лице. Признать, что его спасет младшая сестра? Для патриархального мира мафии — несмываемый позор. Но альтернатива — смерть и крах.

— Ты... что ты хочешь? Деньги? Долю?

Я почти рассмеялась. Почти. Он всё ещё думал в категориях своей мелкой лавочки.

— Я хочу, чтобы твоя гордость не похоронила последнее, что у меня есть, — сказала я ледяным тоном. — Наше имя. Пока его произносят с дрожью, у убийцы отца есть причина оглядываться. Ты остаёшься доном. Будешь сидеть на встречах, произносить тосты. Будешь моей ширмой, Марко. Моей легитимной вывеской. А я буду твоим мозгом. Твоей крепкой рукой. И твоим шансом не закончить как отец — в луже в чужом переулке. Но отныне все решения — проходят через меня. Я — твой советник. А ты — моё лицо для этого мира старых волков.

Он оторвал взгляд от папок и уставился на меня. Сначала в его глазах была только растерянность, но потом, будто сквозь туман, пробились знакомая, укоренившаяся злоба.

— Через тебя? — он фыркнул, и в этом звуке было уже меньше страха, больше издёвки. — Ты слышишь себя, Лючия? Консильеры в нашей семье? Попробуй выйти на собрание в клуб на Малберри-стрит. Посмотрим, как долго продлится твоя лекция, пока кто-нибудь из капо не попросит тебя принести эспresso. Или не положит руку тебе на коленку.

Он поднялся, опёрся руками о стол, нависая над ним.

— Ты — женщина. Дочь. И даже не старшая. Твоё дело — светить юбкой на приёмах, чтобы союзники думали, какая у Фальконе очаровательная семья. А не лезть в бухгалтерию и в разборки с мексиканцами! Отец... — он запнулся, ища опору в памяти, — отец баловал тебя. Позволял слушать разговоры. Это не значит, что ты в них что-то поняла!

Я не шелохнулась. Смотрела на него, будто рассматривала интересный, но бесполезный механизм.

— Моя игра, — сказала я тихо, перебивая его, — началась в ту секунду, когда пуля вошла в отца где-то в переулке Бруклина. Ты думаешь, твои капо уважают тебя? — Я кивнула в сторону двери. — Они держат свои бригады только потому, что боятся хаоса. Но они уже смотрят по сторонам. Риччи из портовой бригады уже снюхивается с людьми Гамбино. Мексиканцы из Корона считают тебя дойной коровой. А Гуэрра... — я сделала паузу, давая имени вновь опасть в тишину комнаты, — Гуэрра уже видит наш квартал своим. Он просто ждёт, когда ты проиграешь в кости последние деньги отца.

Я сделала шаг вперёд.

— Ты прав. Для них я — дурочка в платье от Армани. Их слепость — моё преимущество. Они не увидят удара, пока лезвие бритвы не перережет им горло. А ты... ты для них — слабый дон. А слабый дон в Нью-Йорке — это труп, который ещё ходит и пьёт виски. И все уже присматриваются, кому достанется его улицы.

Марко сглотнул. Жестокость моих слов, их беспощадная точность, вскрыли нарыв его тщеславия.

— И что? — прошептал он, и голос его сорвался. — Я должен сказать «спасибо», что ты хочешь быть моей... тенью? Моей кукловодшей?

— Ты должен перестать цепляться за сказки, Марко. «Мужское» и «женское» — это для свадеб в ресторане. На улицах, где решают дела, есть только «умное» и «тупое». «Живое» и «мёртвое». Отец это знал. Именно поэтому он учил меня читать отчёты ФБР и слушать полицейские частоты. Возможно, он видел то, чего так и не смог разглядеть в тебе.

Он повалился в кресло, словно у него внезапно подкосились ноги. Отвернулся к окну.

— Ладно, — это слово вырвалось не как согласие, а как хрип капитуляции. — Делай, что хочешь.

Я почти улыбнулась. Его угроза была прозрачна, как стекло, и так же хрупка.

— Они не заподозрят, Марко. Потому что для внешнего мира ты внезапно поумнееешь и станешь жёстче. Это будет лучшей ролью в твоей жизни. Постарайся сыграть её без фальши. — Спасибо за доверие, брат, — сказала я без тени благодарности, разворачиваясь к выходу.

Я вышла из кабинета и прислонилась к стене в коридоре. Всего на секунду. Руки дрожали. Не от страха — от злости. На него. На себя. На то, что приходится всё это делать.

Что бы ты сказал сейчас, папа? — подумала я, глядя на потолок. — *Гордился бы мной? Или сказал, что я слишком мягка?*

Тишина не ответила. Я выдохнула, выпрямилась и пошла дальше. Слабость — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Но иногда, всего на минуту, я позволяла себе её. Только чтобы не сойти с ума.

Я только что поставила марионетку на трон. Теперь у меня есть доступ к встречам, к слухам, которые годами ускользали от меня. Сеть «Обиженных» — мои уши на улицах. Марко — моя пропускная печать в кабинеты. И где-то между этими строчками отчётов и шёпотом в тёмных переулках должна была затеряться ниточка. Одна-единственная ниточка, ведущая к человеку, который решил, что день смерти моего отца будет последним в его жизни. Я найду эту ниточку. И когда найду — размотаю клубок до самого его сердца.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух наполняет лёгкие.

На улице меня встретил знакомый укол нью-йоркского ноября — влажный, пронизывающий до костей. Я заглубилась в воротник и пошла, не оглядываясь на особняк, похожий на мраморную гробницу.

Через двадцать минут я свернула с относительно опрятной 18-й авеню в лабиринт Бей-Ридж. Остановилась перед неприметной дверью между заколоченным магазинчиком и прачечной-автоматом.

Через три минуты я уже поднималась по узкой, скрипучей лестнице.

Квартира на втором этаже была крошечной, но безупречно чистой. В гостиной, за столом, заваленным папками, сидела Анна. Вдова. Бывшая жена бухгалтера Пьетро. Та самая, чей муж «спрыгнул» с крыши своего офиса после того, как дон Луккезе «реструктуризировал» долги семьи.

— Синьорина Лючия. Я ждала.

— Анна. — Я сбросила пальто на спинку стула. — У нас есть проблемы. Мне нужна схема. Все потоки за последние три года. Не только денег. Людей. Кто с кем встречался перед смертью отца. Кто после неё неожиданно разбогател. Где пересекались интересы.

— Пьетро говорил, что ваш отец всегда решал проблемы сам, — её голос был ровным, но в нём звенела сталь.

— Мой отец мёртв. А его сын — идиот, который создаёт новые проблемы быстрее, чем я успеваю решать старые. — Я села напротив. — Мне нужна схема. Особенно те, что идут через портовые счета Риччи и уходят к мексиканцам из Корона.

Анна медленно кивнула. Её пальцы, тонкие и нервные, потянулись к старому ноутбуку.

— У Риччи есть счёт на Кайманах. Через подставную фирму в Майами.

— Сколько?

Она назвала цифру.

— Хорошо. Оформи это как отчёт. Без эмоций, только цифры и связи. Как делал твой муж.

При упоминании мужа её глаза на мгновение вспыхнули — не слезами, яростью.

— Ты получишь своё. Твой сын в штате Орегон... его учёба, его будущее.

ФЛЕШБЕК: Четыре года назад

Я пришла к ней не с компроматом. Я пришла с проблемой. Дверь в её квартирку открылась на цепочку.

— Синьора Эспозито? Меня зовут Лючия ди Сангро. Я помогаю с документами для фонда помощи семьям пострадавших.

Она вздохнула, но цепочку сняла. Её кухня пахла кофе, оливковым маслом и тихой, застойной печалью.

— Здесь нужно указать причину смерти, — сказала я нейтрально, указывая на строку. Анна замолчала. Её пальцы сжали край стола.

— Несчастный случай, — выдавила она, глядя в стену. — Так в справке написано.

— Я знаю, — тихо сказала я, не поднимая глаз. — Я читала отчёт. Следы торможения на лестнице... странной длины. И сосед говорил, что слышал не один, а два голоса.

— Зачем ты мне это говоришь, девочка?

— Я предлагаю справедливость, — сказала я, откладывая ручку. — Тихую. Когда тот, кто это сделал, потеряет то, что ему дорого. Власть. Уважение. Деньги.

Я вынула из папки фотографию. На ней её сын, Лука, выходил из школы.

— Его безопасность — мой приоритет. У меня уже есть люди, которые присмотрят за ним. А вы будете моими глазами и ушами там, где я не могу быть.

— Шпионить? — она фыркнула.

— Вы — хранительница памяти. Давайте найдём этого человека. Не ради мести. Ради того, чтобы ваш Лука жил в мире, где за предательство наступает расплата.

Я видела, как этот аргумент находит отклик.

— Что я должна делать? — спросила она, уже без прежней колючки.

— Жить своей жизнью. Принимать соболезнования. Ходить на семейные обеды. И запоминать.

Я положила на подоконник кусок красного одеяла.

— Если у вас появится что-то срочное — повесьте это на балконе. Я увижу.

Анна взяла ткань. Её пальцы сжали материал.

— А если... если они узнают?

— Тогда они разберутся сначала со мной, — сказала я, поворачиваясь к ней. — Потому что к тому времени у меня будет достаточно информации, чтобы свалить половину совета.

Она долго смотрела на меня, а потом медленно кивнула.

— Хорошо, Люция. Я буду твоей памятью.

Я вышла в переулок. Дождь накрапывал, смешиваясь с городской копотью. В кармане пальто завибрировал телефон.

— Да, моё солнышко. Что ты хотела?

Амбер с ажиотажем начала рассказывать о своём желании развеяться в популярном клубе Нью-Йорка.

— Ладно, для тебя освобожу эту ночь.

Я закурила и двинулась к особняку.

КЛУБ

Машина мягко шуршала шинами по мокрому асфальту. За рулём сидел Валентино.

Первая остановка — у дома Амбер. Она влетела в машину с улыбкой и горячими объятиями. Белое платье, усыпанное стразами, светлые волосы, голубые глаза — полная моя противоположность. Её энергия была заразительной, как солнечный свет в хмурый день.

— Я так по тебе соскучилась, Люция! — Она прижалась ко мне.

Мы вышли напротив пафосного здания с яркой вывеской «*Le Grand Silence*». Два огромных охранника у входа, увидев нас, расступились.

Внутри сверкали огни, музыка оглушала каждым тактом. В воздухе густо смешались запахи дорогого алкоголя, сладковатых духов, пота и кальянного дыма. Разноцветные софиты выхватывали из темноты извивающиеся тела на танцполе. Мы нашли свободный столик, заказали коктейли.

Выдохшись после танцев, мы вернулись за столик. Глаза Амбер пробежали по залу и остановились. Я проследила за её взглядом: из VIP-комнаты выходили трое мужчин. Лица было тяжело разглядеть, но фигуры — подтянутые, тренированные. Облегающие рубашки выдавали каждый мускул.

— Какие интересные мальчики, — не отводя глаз, произнесла Амбер.

Я скользнула по ним взглядом и сразу отвернулась. Мафия. Слишком дорогие часы, слишком наглая посадка головы.

— Обычные, — ответила я. — Просто с деньгами.

Но один из них — тот, с тёмными волосами — на секунду задержал взгляд на нашем столике. Я почувствовала это кожей. Овернулась — но он уже исчез в толпе.

Через полчаса к нам подошёл парень. Молодой, наглый, с дорогими запонками и пустым взглядом.

— Давайте станцуем, дамы.

Амбер даже не повернулась.

— Нет, спасибо.

Он наклонился ближе, положил руку на спинку её стула.

— Что ж вы такие вредные?

Я подняла на него взгляд. Спокойно. Холодно.

— Отойди, — сказала я тихо.

Он усмехнулся, но руку не убрал.

— А то что? Позвонишь папочке? — Он плотоядно облизнулся. — Хотя ты и без папочки ничего.

Я уже собиралась встать, как вдруг его голова резко дёрнулась назад. Кто-то схватил его за шиворот и отшвырнул от нашего столика.

Перед нами стоял тот самый темноволосый из VIP-ложи. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем чёрном пиджаке. Лицо — холодное, скулы выточены, глаза тёмные, почти чёрные. Он даже не смотрел на парня — тот был для него пустым местом.

— Ты... ты кто такой? — заикаясь, выдавил наглец.

Он ничего не сказал. Просто смотрел.

Секунду. Две. Три.

Парень сглотнул. Его наглая ухмылка сползла с лица. Он отдёрнул руку, попятился и исчез в толпе.

Темноволосый перевёл глаза на меня. Всего на мгновение. Холодный, изучающий взгляд — как будто он сканировал меня, запоминал, раскладывал по полочкам. Оценивал.

А потом он просто развернулся и ушёл. Не сказав ни слова. Не представившись.

— Охренеть, — выдохнула Амбер. — Кто это был?

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Не от страха. От ощущения, что меня только что внесли в какой-то список.

— Понятия не имею, — ответила я.

Амбер допила коктейль и потянула меня обратно на танцпол. Через минуту мы уже смеялись и дурачились, забыв о странном инциденте. Или почти забыв.

Краем глаза, всего на секунду, я поймала его взгляд из полумрака VIP-ложи. Он стоял у перил, опершись на них локтями, и смотрел вниз. На танцпол. На нас.

На меня.

Я отвернулась первой.

Оставшуюся ночь мы танцевали и пели. Домой вернулись к утру.

В машине Амбер уснула у меня на плече. Валентино вёл аккуратно. За окном проплывал серый, только просыпающийся город. Где-то там ждал Марко со своими проблемами. Ждала война, которую я только начинала развязывать.

Я закрыла глаза и попыталась выкинуть из головы чужой взгляд. Холодный. Изучающий. Не вышло.

Утром я проснулась с чётким ощущением: это была не случайность. Тот человек в клубе знал, кто я. Знал, как посмотреть, чтобы я запомнила.

Вопрос был только один: *зачем?*

Глава 2

Я проснулась в своей постели. Холодный шёлк простыни неприятно холодил кожу, пробуждая тело скорее к дискомфорту, чем к новому дню. Рядом с кроватью на мраморной тумбочке стоял кристальный бокал с водой и одна-единственная таблетка от головной боли. Энрико постарался. Он всегда заботился обо мне как о родной.

Я выпила таблетку, чувствуя, как прохладная жидкость смывает привкус вчерашнего дыма и лжи, и направилась в ванную.

Ледяные струи душа обрушились на кожу, сбивая остатки сна и ночной расслабленности. Каждая капля была как укол булавкой, возвращающей к реальности — жёсткой, бескомпромиссной, моей. Я вышла, завернувшись в грубый полотняный халат, и, наскоро высушив волосы, спустилась на кухню.

Ожидала увидеть пустую, залитую утренним светом комнату. Но меня ждал сюрприз.

За массивным дубовым столом, заваленным вчерашними папками, сидел мой брат. Перед ним стояла недопитая чашка эспresso, а в пальцах дымилась сигарета — прямо здесь, на кухне, где мама когда-то выпекала печенье. Он поднял на меня взгляд, красный от бессонницы, но не пьяный. Собранный.

— Лючия. Я прочитал всё, что ты мне вчера принесла, — начал он без предисловий. — По твоим данным, Дорио — главная крыса, что сливает информацию мексиканцам?

— Именно так, — отрезала я, подходя к кофемашине. Мне нужен был свой эспresso. Крепкий и горький.

— Разберись с ним, — бросил он, отодвигая чашку. В его голосе не было просьбы. Это был приказ.

Я медленно повернулась, держа в руках ещё не наполненную чашку.

— По-твоему, я шавка? — мой голос прозвучал тихо, но в нём звенела сталь. — Крыса твоя, значит, тебе и разбираться.

Марко откинулся на спинку стула, его взгляд, тяжёлый и оценивающий, прошёлся по мне.

— Лючия. Если ты хочешь быть в деле, начни как все. С грязной работы. — Он сделал паузу. — Если ты с этим не справишься, как сможешь вести другие дела?

Тишина на кухне стала густой, как смола. Я поставила чашку на стол с тихим, но чётким стуком.

— Что ж, быть по-твоему. Но надеюсь, ты не пожалеешь. — В моём голосе не было угрозы. Была констатация. Холодный прогноз. — Я жестокий человек, Марко.

Не дав ему ничего добавить, я развернулась и ушла в глубь кухни, к окну. Пусть пока подумает, что всё под контролем. Его контролем.

ФЛЕШБЕК: Три года назад. Вербовка Кая.

Я не просто собирала сеть. Я встраивала в каркас каждой семьи-соперника по живому, дышащему шпиону. Людей, чья преданность была куплена не страхом, а избавлением от кошмара.

Мне нужен был не просто хакер. Мне нужен был криптограф реальности. Архитектор зеркального мира.

Его имя всплыло в одном из отчётов Анны: «Сын того русского программиста, что работал у Барбиери, опять влип. Его банда каких-то гиков что-то там взломала, теперь детектив Моррисси хочет повесить на него всё».

Кай «Волк» Волков. Гений-самоучка, социальный инвалид, живущий на стыке кода и паранойи. Его отец когда-то написал систему учёта для легального бизнеса Барбиери, а потом «случайно» умер от сердечного приступа, когда отказался встроить бэкдор.

Я нашла его на полуподпольном киберспортивном турнире в заброшенном лофте в Челси. Он сидел в дальнем углу, отгородившись от мира тремя мониторами. Худой, сгорбленный, с нервным тиком. Пальцы порхали по клавиатуре с неестественной скоростью.

Я села рядом.

— Твой алгоритм шифрования на правом мониторе, — сказала я тихо. — В нём есть уязвимость. В строке 447.

Он медленно повернул голову. Глаза за стёклами очков были огромными, лишёнными понимания.

— Кто... ты?

— Тот, кто видит ту же уязвимость, что и ты. Но не в коде. В твоей жизни.

Я объяснила ему, что его ждёт. Сын детектива, подставные свидетели, тюрьма.

— Я предлагаю тебе сделку, — сказала я. — Я стираю тебя из всех баз. Создаю новую личность. Даю лучшую технику. А ты становишься моими глазами в цифровом мире.

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что через сорок восемь часов придёт ордер на твой арест.

Я оставила на его клавиатуре одноразовый телефон и ушла.

Ровно через семнадцать часов телефон завибрировал. Сообщение с координатами пустыря в Куинсе.

Когда я подъехала, он уже ждал. С потертым рюкзаком, в котором были только ноутбук и смена одежды.

— Я в деле, — сказал он.

— Добро пожаловать в тень, Кай.

Я набрала номер Кая, ожидая ответа. Рука сама потянулась к «глоку» под курткой. Знакомая тяжесть. Холод металла.

Мне было двенадцать. Мы стояли в тире, который отец оборудовал в подвале особняка. Пахло порохом, машинным маслом и старой резиной от пулеулавливателей.

Отец положил передо мной пистолет. Тяжёлый, воронённый, пахнувший холодным металлом.

— Это «беретта» 92FS, — сказал он. — Запомни это название. Она будет с тобой всю жизнь, если научишься с ней обращаться.

Я смотрела на пистолет и боялась даже дотронуться. Он казался живым. Опасным.

— Не бойся, — отец усмехнулся. — Оружие боится только дураков. Умные учатся им владеть.

Он взял мою руку и вложил в неё пистолет. Вес был непривычным, тяжёлым.

— Чувствуешь? Это не просто металл. Это продолжение твоей руки. Твоей воли. Ты должна стать с ним одним целым.

Он показал, как разбирать, как чистить, как заряжать. Я повторяла, путаясь, роняя детали.

— Медленнее, — сказал он. — Не спеши. В спешке — смерть. В спокойствии — жизнь.

Когда я впервые собрала пистолет правильно, он улыбнулся. Редкая улыбка для него.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь стреляй.

Я подняла пистолет, прицелилась в мишень. Руки дрожали.

— Дыши, — услышала я его голос за спиной. — Выдохни — и нажимай.

Я выдохнула. Нажала.

Грохот выстрела оглушил. Отдача ударила в плечо. Пуля ушла куда-то в молоко.

Я опустила пистолет, готовая к тому, что он будет ругаться.

А он засмеялся. Коротко, но искренне.

— Ничего, — сказал он. — Первый раз у всех так. Главное — ты не бросила пистолет и не закрыла глаза. Уже хорошо.

Я посмотрела на него. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Гордость?

— В следующий раз попадёшь, — сказал он. — Я в тебя верю.

И я попала. Через месяц. В десятку.

— Слушаю, — голос Кая вырвал меня из прошлого.

— Мне нужно знать, где находится Дорио Косимо. Прямо сейчас.

— Будет сделано. Через три-четыре минуты.

Я сбросила трубку, не прощаясь.

Мне понадобятся свои люди. Александро и Валентино подойдут идеально. Они были преданы мне — не семье, не титулу, а конкретно мне, — как никто другой из солдат моего брата. Их преданность была куплена не деньгами, а уважением.

Я надела чёрные спортивные штаны, плотный лонгслив, сверху накинула старую кожаную куртку отца — она была чуть великовата, но сидела по-боевому, не стесняя движений.

Я нашла их на задней парковке, возле гаража. Валентино, опершись на капот своего «Шевроле», о чём-то негромко говорил с Александро. Увидев меня, они выпрямились.

— Молодые люди. Нам нужно съездить к одному не слишком приятному типу. Вы оба мне понадобятся.

В этот момент в телефоне всплыло сообщение от Кая: адрес в Бенсонхерсте, квартира над ирландским пабом.

Мы выдвинулись немедленно. Я опустила окно, закурила. Холодный воздух ворвался в салон, смешавшись с дымом.

— В последнее время вы курите больше обычного, — раздался голос с пассажирского сиденья. Александро. — Что-то беспокоит?

— Да, — выдохнула я дым в серое небо. — Не знаю, что делать с одной крысой. Я терпеть не могу таких. Жестокая смерть в таком случае приемлема?

Я сказала это не для того, чтобы шокировать. Я сказала, потому что знала — им можно доверять.

— Он предал семью, — твёрдо произнёс Валентино, не отрывая глаз от дороги. — Наказание одно. Смерть.

— Не уверен, что вам следует делать это самой, синьорина, — повернулся ко мне Александро. — Мы можем сделать так, чтобы он больше никому не мешал. Без вашего участия.

Я посмотрела на него.

— Я не маленькая девочка, Александро. И это не вопрос участия. Это вопрос необходимости. Я должна сама посмотреть в глаза ублюдку, который решил, что наша кровь стоит дешевле пачки песа. Чтобы запомнить этот взгляд. Чтобы в следующий раз, когда кто-то задумает нечто подобное, у него перед глазами стояло не абстрактное «семья», а моё лицо.

В салоне воцарилась тишина. Александро медленно кивнул.

Машина замедлила ход у обшарпанного здания. Мотель «Сиеста» представлял собой длинное одноэтажное строение из грязно-жёлтого кирпича. Черда одинаковых тёмно-зелёных дверей под ржавыми номерами уходила вдаль. Неоновая вывеска моргала нервным розовым светом.

На втором этаже в торце здания горел одинокий свет за задернутой грязной гардиной. Комната 27.

Я кивнула в сторону окна. Александро и Валентино обменялись взглядами и без слов вышли из машины.

Я выкинула окурок, открыла дверь. Ночной воздух ударил по лицу — холодный, пропитанный городской гнилью. Проверив обойму «Глока», я направилась к ряду зелёных дверей.

Я врезалась в дверь с разгона, всем весом. Дерево с треском вылетело из жалкой фанерной коробки, ударившись о стену.

— Дорио Косимо, — мой голос прозвучал спокойно, почти ласково. — Нам следует поговорить.

Я шагнула внутрь. Воздух был густым, спёртым, пропитанным запахом дешёвых сигарет, пота и подгоревшей еды. У ножек кровати валялись пустые шприцы, обожжённые ложки, ампулы.

Наркоман. Не жадный делец, не хитрая крыса, а обычный, жалкий наркоман.

Из-за угла выскочила тень. Мужчина в одних поношенных штанах, бледный, с безумными глазами. Он рванул к двери.

Я даже не стала его останавливать. Просто развернулась и спокойно пошла за ним.

Он вылетел на улицу, споткнулся, вскочил и метнулся к чёрному ходу — туда, где его уже ждали.

Когда я подошла, мои парни уже держали его, скрутив за спиной пластиковой стяжкой. Дорио брыкался, как загнанный телёнок.

— Тут недалеко стройка, — сказала я. — Пройдёмся.

Мы вошли на огороженную территорию, где высился скелет будущего здания. Башня крана упиралась в звёздное небо, как гигантская виселица.

— Александро, — я кивнула в сторону груды мешков. — Тут есть бетон.

Тот без лишних слов направился к бетономешалке.

Я повернулась к Дорио. Он дрожал. Мелкой, неконтролируемой дрожью.

— Расскажи, — тихо произнесла я, наклоняясь к его лицу.

— Что мне вам рассказать? Я ничего не знаю!

— Дорио. — Я покачала головой. — Ты знаешь, кто ещё сливал информацию. Ты знаешь, кому. Думаю, ты знаешь много такого, что могло бы меня порадовать.

Я схватила его за волосы и резко дёрнула, заставляя запрокинуть голову.

— Имена, Дорио. И я не про тех, кого и так знаю.

— Филипп, Антонио и Пиетро из портовой бригады! — захлебнулся он. — Они хвастались, что получили много денег!

Мелкие сошки. Я отпустила его волосы.

— Александро, как дела?

— Готовим замес.

Я снова посмотрела на Дорио.

— Вставай. Бери лопату. Копай. Вот здесь.

Он замер. Потом его взгляд упал на лопату, которую Валентино воткнул в кучу грунта.

— Прошу... не надо...

— Копай.

Он копал. Лихорадочно, отчаянно, рыл не яму, а свою могилу. Вскоре в земле зияла дыра — неглубокая, но достаточная. Человеческих размеров.

— Я... я знаю ещё! — выкрикнул он вдруг, бросая лопату. — Кто-то из донов! Кто-то из старейшин в сговоре с мексиканцами! Тот, с кем я встречался... он говорил, что если что, за ним стоит «большая рука». Дон вступится и всё решит. Он так и сказал — «большая рука»!

Я засмеялась. Коротко, резко, безрадостно.

— «Большая рука»? И ты поверил? — Я кивнула на яму. — Ложись. На спину.

— НЕТ!

— Валентино.

Тот взял Дорио под мышки. Александро запустил бетономешалку.

— Заливай.

Первая серая, густая струя хлынула в яму, прямо на ноги Дорио. Он закричал — нечеловечески, захлёбываясь собственным ужасом. Бетон поднимался по его телу, заполняя пространство вокруг.

Я закурила. Присела на корточки у края ямы, когда бетон уже доходил ему до груди. Его лицо было искажено гримасой абсолютного террора.

Я приблизилась к его уху.

— *Muori, fessia*, — прошептала я. Умри, отребье.

Я встала, отряхнула колени. Пошла прочь, не оглядываясь. Стоны позади постепенно стихли.

Я бросила недокуренную сигарету в лужу.

— Пора домой.

Я стояла у края стройки, глядя, как бетон застывает в яме. Дорио больше не кричал. Только тишина и запах сырого цемента.

Внутри было пусто. Ни *triumph*, ни *satisfaction*. Только усталость, тяжёлая, как бетон, которым я только что залила человека.

Это ты, папа? — спросила я у ночного неба. — *Ты так себя чувствовал каждый раз?*

Ответа не было. Я закурила и пошла к машине. Руки дрожали. Я не знала, от холода или от того, что только что сделала.

В салоне воцарилась гулкая, тяжёлая тишина.

Тишину нарушил Валентино.

— За нами слежка. Серая «Тойота-Камри». Две машины назад. Сменили три полосы вместе с нами.

Я встретила с ним взглядом в зеркале заднего вида.

— Как давно?

— Минут десять. Могли взять со стройки. Или ждали у мотеля.

Александр уже повернулся, выглядывая в заднее стекло.

— Что будем делать?

Адреналин, уже начавший было спадать, снова вскипел в крови. После грязной работы с Дорио это было почти освежающе. Прямая угроза. Чёткий враг.

— Мальчики, как думаете, может, поздороваемся? — Мои губы растянулись в улыбку, лишённую тепла. — Валентино, сверни на следующем перекрёстке налево. Потом по старому шоссе.

— В лес? — уточнил Александр, и в его голосе прозвучало знакомое оживление.

Я кивнула.

Лес. Я знала его от и до. Каждую грунтовку, каждый овраг.

Мы резко свернули с асфальта на разбитую дорогу, ведущую в чащу. «Камри» последовала за нами.

— Они на крючке, — констатировал Валентино.

— Отлично. Помнишь развилку у старого домика? Сверни направо, к обрыву.

Мы остановились на поляне у самого обрыва. «Камри» потушила фары и замерла метрах в тридцати.

Я вышла из машины.

— Я отойду в кусты, — бросила через плечо.

Александр и Валентино бесшумно выскользнули и растворились в чаще.

Я отошла метров на сто, прислонилась к сосне. Тишина. Только ветер.

Из-за «Камри» отделилась тень. Я вышла из укрытия и выпустила короткую очередь по передним колёсам. Грохот выстрелов разорвал ночь. Я отпрыгнула за дерево, чувствуя, как в кору впиваются ответные пули.

Машина дёрнулась, но спущенные шины зарылись в грязь. Они были в ловушке.

— Мои дорогие, — крикнула я. — Предлагаю поговорить. Скажете, от кого вы, а я вас, возможно, не убью.

Из-за приоткрытой двери донёсся голос — низкий, без паники.

— Синьорина, ничего личного. Но мы не сдаём своих.

Чистый итальянский акцент.

— Значит, вы от дона? — уточнила я. — Итальянцы, сразу слышно.

— Нам говорили, что вы умны. Но чтоб настолько...

— Что ж, синьоры, — вся игривость исчезла из моего тона. — Значит, поболтать не получится.

Я высунулась и сделала три прицельных выстрела по лобовому стеклу. В ответ ударила беспорядочная очередь.

Я нырнула за дерево.

И тут с противоположной стороны, откуда его не ждали, ударил Валентино. Два сухих хлопка — и тяжёлое падение тел.

Тишина. И шорох справа.

Третий пытался уйти в лес.

Я развернулась на звук и сделала один выстрел. В темноте что-то тяжело рухнуло в кусты.

Из темноты появился Валентино.

— Все трое. Никаких опознавательных знаков. Оружие чистое.

— Интересно, чей же это «комплимент», — тихо сказала я. — Всё убрать. Глубоко. Машину — в обрыв.

Домой мы вернулись в грязи и чужой крови. Я набрала Кая.

— Трое неизвестных сегодня. Ликвидированы. Профессионалы, с итальянскими корнями. Кто-то из донов решил поинтересоваться мной. Узнай, у кого будут потери в ближайшие дни. Пробей машину, найди владельца.

— Будет сделано.

Я сбросила трубку и направилась к себе. Вода, соль, смыть запах смерти.

Но на пути возник Марко. В халате, с бокалом виски.

— Что с тобой? — дрогнул он, глядя на мою одежду. — Ты ранена? Дорио...

— Дорио заживо в бетоне. А это, — я кивнула на свою куртку, — кровь итальянцев, которые за нами следили. Трое профессионалов.

Он побледнел.

— Кто? Зачем?

— Отличный вопрос. Ты что-то говорил про меня донам? Хвастался, что у тебя теперь есть надёжный советник?

— Нет! — отшатнулся он. — Зачем мне...

— Тогда кто-то подслушал. Твои разговоры по телефону. Ты болтал в присутствии кого?

Он заёрзал.

— Я... говорил с несколькими людьми. Мог упомянуть, что у меня теперь есть... помощь. Чтобы выглядеть сильнее.

— Идиот.

Я отодвинула его плечом и пошла к себе.

Ванна, тишина и холодный анализ.

Почему дон решил за мной следить? Не убить — следить. Значит, хотели узнать. Оценить силу, прежде чем наносить удар. Это была разведка. А я эту разведку ликвидировала. Теперь они знают, что я не только умна, но и опасна.

Игра в кошки-мышки только началась. Но теперь кошка знала, что мышь вооружена.

Глава 3

Солнечные лучи, жёсткие и безжалостные, как поисковые прожекторы, медленно поползали по моему столу, обжигая край стола и слепя глаза. Я почти не спала. Не то чтобы не могла — тело требовало покоя, но разум, раскалённый до бела, отказывался гаснуть. Он продолжал раскручивать вчерашние события, как заевшую пластинку, выискивая новый скрип, новую трещину в логике.

Моя комната была отражением этого состояния: никаких изысков, вычурности или вульгарной роскоши, как в остальных покоях особняка. Здесь царила строгая, почти монашеская простота. Светлые стены, тёмное дерево массивного стола, заваленного папками, пара книжных шкафов с бухгалтерскими отчётами, историческими трудами и томиками Макиавелли. Ни одного лишнего предмета, ничего, что могло бы отвлечь. Идеальная среда для поддержания трезвости мыслей, когда мир вокруг пытается опьянить тебя иллюзиями и страхом.

Сейчас эта трезвость была нужна как никогда. Вопрос висел в воздухе, тяжёлый и нерешённый: кому из донов так потребовалось за мной следить?

У меня были свои «мышки». Тихие, незаметные создания в домах всех пяти главных семей: горничные, водители, поварахи, младшие бухгалтеры. Люди, которым я вернула сына, спасла от долговой ямы, вытащила родственника из полицейского участка. Их благодарность была слепой и абсолютной. Они были моими ушами в стенах чужих крепостей.

Но информация от них текла ручейками: сплетни, распорядки дня, случайно подслушанные обрывки фраз. Чтобы узнать, кто именно отдал приказ о слежке, нужен был не ручеек, а прорыв дамбы. Нужно было попасть в самое сердце — в круг ближайших советников, телохранителей, правые руки. А таких людей не купишь мелкими одолжениями. Их преданность либо врождённая, либо выстрадана годами, либо оплачена невероятно дорогой ценой.

Я откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, дав солнечным зайчикам танцевать на веках.

Логика. Применяй логику, Лючия.

Мне было четырнадцать. Мы сидели в кабинете отца за шахматной доской. За окном шумел дождь, в камине потрескивали угли.

— Ты опять зеваешь фигуры, — сказал отец, делая ход конём. — Думаешь только о нападении, забываешь о защите.

Я нахмурилась, глядя на доску. Он был прав — я увлеклась атакой и оставила короля без прикрытия.

— Шахматы — это не игра, Лючия, — продолжал он, закуривая сигару. — Это модель жизни. Здесь, как и в реальности, нужно думать на несколько ходов вперёд. Просчитывать варианты. Жертвовать малым ради большого.

Я сделала ход, пытаясь закрыться.

— Поздно, — сказал он, ставя мат. — Видишь? Одна ошибка — и ты проиграла. В нашем мире ошибки стоят дороже.

Я расстроено откинулась на спинку кресла.

— Не расстраивайся, — отец протянул мне чашку чая. — Ты прогрессируешь. Год назад ты проигрывала за десять ходов. Сейчас — за двадцать.

Я фыркнула.

— Комплимент.

Он усмехнулся.

— Учись, Лючия. Шахматы учат терпению. А терпение — это половина победы. Вторая половина — умение бить, когда противник не ждёт.

Я посмотрела на доску, на разгромленные фигуры.

— Сыграем ещё? — спросила я.

Он кивнул.

— Всегда.

Мысль зацепилась, как крючок. Марко. Его разговоры. Его попытки казаться сильнее, хвастовство «надёжным советником». Кто мог это слышать? Кто имел доступ прослушивать его телефон или кабинет? Не кто-то с улицы. Кто-то внутри нашего дома. Или кто-то, кому Марко сам, в попытке заручиться поддержкой, мог проговориться.

Я открыла глаза. Солнце уже било прямо в лицо, но я его почти не чувствовала. Адреналин мысли был сильнее.

Врага нужно искать не только среди других семей. Нужно искать предательства в самом, казалось бы, безопасном месте — в кругу тех, кого мы считаем своими. Или тех, кого Марко по глупости считает «союзниками».

Я потянулась к телефону, но набрала не Кая. Его работа была с цифрами и сетями. А мне сейчас нужна была живая, старая, терпкая информация.

Я набрала Анну.

Она ответила на третьем гудке, её голос был сонным, но настороженным.

— Анна, прости за ранний звонок. Вопрос в лоб. В последнее время мой брат, Марко, — он часто общался с кем-то из других семей? Не на официальных встречах. По-дружески. За советом, может быть. Особенно в последние недели, после того как я... начала помогать.

На том конце повисла пауза.

— Был слух, — осторожно начала она. — Не факт. Но моя кузина работает в доме у Гамбино. Она говорила, что ваш брат несколько раз звонил синьору Винченцо Гамбино. Не официально, а... приватно. Будто искал расположения. Синьор Винченцо — он старый лис. Он дружен со многими, но доверяет только себе. И у него... длинные уши везде.

Гамбино. Не Гуэрра, не прямой конкурент. А старейшина, дипломат, мастер закулисных игр. Тот, кто предпочитает знать всё обо всех, чтобы манипулировать. Если Марко лез к нему за поддержкой и проболтался о мне... Гамбино мог воспринять это как угрозу своему влиянию. Или увидеть во мне инструмент. Но сначала — изучить. Оценить. Отправить людей на разведку.

— Это очень ценно, Анна. Очень. Будь на связи.

Я положила трубку, и пальцы уже потянулись к следующему номеру — Каю.

— Кай. Новый вектор. Винченцо Гамбино. Всё, что можешь найти. Не только финансы. Его связи, его личных людей, его хобби. И главное — были ли у него в последнее время какие-то контакты, прямые или через третьих лиц, с агентствами, предоставляющими... охранные услуги. Особого рода.

— Меняю фокус, — без лишних слов ответил Кай. Фоновая трескотня клавиатуры стала быстрее.

Солнце теперь освещало всю комнату, выбеливая тени. Враг начал обретать контуры. Если скрывать нет уже и смысла. Значит, надо работать в лоб. Необходимо сходить к Марине.

ФЛЕШБЕК: Три года назад. Вербовка Марины.

Ресторан «Джузеппе» не был просто точкой на карте. Он был артерией. Сюда стекались новости, сплетни и сделки пяти семей. Днём — уважаемое заведение для туристов и семейных обедов. Ночью, за закрытыми дверями «частного клуба», — парламент теневого Нью-Йорка.

Чтобы понять, что здесь происходит, мне нужен был не шпион, а естественная часть пейзажа. Кто-то невидимый, как стул или скатерть.

Этим кем-то стала Марина.

Я заметила её полгода назад. Официантка лет сорока с лицом, на котором усталость уже вытеснила все другие эмоции. Она работала в «Джузеппе» десять лет, с тех пор как приехала из Одессы с маленькой дочкой на руках и мечтой об американской жизни. Мечта быстро закончилась, упершись в гранитные стены «семейного бизнеса». Она была хороша: тихая, исполнительная, с феноменальной памятью на заказы и привычки гостей. И абсолютно бесправная. Её виза зависела от благосклонности управляющего, а тот был племянником Риккардо Барбиери.

Я подошла к ней не как заговорщик, а как клиент с проблемой. Днём, в почти пустом зале.

— Простите, — сказала я, когда она принесла мой эспрессо. — В прошлый раз я здесь потеряла серьгу. Не золотую, но... памятную. Вы не находили?

Она покачала головой.

— Извините, синьорина. Я спрошу в подсобке, но вряд ли...

— Это был подарок от отца, — тихо добавила я. — Его... больше нет.

Что-то дрогнуло в её каменном выражении. Потеря. Она знала о них всё.

— Я поищу ещё раз, — сказала она уже без той служебной белиберды.

Я приходила снова и снова. Всегда днём, всегда одна, заказывая только кофе. Я стала «той грустной девочкой, которая потеряла серьгу». Я дала ей имя, с которым она могла меня ассоциировать: Люсия. И я дала ей понять, что я слушаю. Слушаю её жалобы на менеджера, который задерживает чаевые. На повара, который хамит. На то, что её дочь-подросток начинает задавать слишком много вопросов.

Я слушала. И однажды, когда она, сгорбившись, вытирала соседний столик, я сказала:

— Они пользуются тобой, Марина. Потому что могут. Потому что ты для них — воздух. Невидимый и бесплатный.

Она замерла.

— Что я могу сделать? У меня нет бумаг. У меня дочь...

— Бумаги можно сделать, — мягко перебила я. — А дочь можно отправить в хорошую школу-пансион. Подальше от этого... запаха.

Она уставилась на меня, и в её глазах был уже не просто испуг, а паника дикого зверя, загнанного в угол, который вдруг увидел, что в углу есть дверь.

— Кто вы? — прошептала она.

— Я — Люция. И я ненавижу, когда сильные обижают слабых. Моего отца убили сильные. И я собираюсь сделать так, чтобы они за это ответили. Ты хочешь, чтобы твоя дочь жила в мире, где такие, как тот менеджер, решают, будет ли у неё будущее?

Она молчала. Десять лет безропотного служения против одной безумной надежды.

— Что мне делать? — Это был уже не вопрос, а капитуляция.

— Всё, что ты уже делаешь. Работать. Слушать. Запоминать. Кто с кем обедает. Кто кого боится. Кто приходит с чужаками. Какие имена звучат за закрытыми дверями, когда они думают, что их не слышат.

Я вынула из сумочки старый, потрёпанный блокнотик в кожаном переплёте.

— Вот. Пиши здесь. Как рецепты. Не «дон Барбиери встретился с Х», а «заказ столика 5: мартини сухой, стейк rare, говорили о поставке стали из Питтсбурга, гость нервничал». Детали, Марина. Только детали.

Она взяла блокнот, как святыню.

— А если... если меня поймают?

— Тогда ты скажешь, что это твой личный дневник, что ты пишешь книгу о работе официанткой в Нью-Йорке. И что у тебя уже есть литературный агент — я.

Я встала, оставив под чашкой не чаевые, а конверт. В нём были брошюра частной школы-пансиона в Новой Англии и визитка адвоката по иммиграционным вопросам. Не обещание. Инструмент.

— Ты раз в неделю отчитываешься мне, как о потерянной серьге. «К сожалению, вашу вещь так и не нашли, но мы продолжаем поиски». Это будет наш код. А если что-то срочное... оставь сообщение у Фрэнки в закуской на Статен-Айленде. Скажи: «Для Люсии насчёт серёжки». Он поймёт.

Третий кирпичик. Из унижения и материнского страха. Марина давала не факты, как Томми, или семейные тайны, как Анна. Она давала атмосферу, настроение, ток подводных течений. Она была живым барометром напряжения в стане врага.

Мы встретились с Мариной в кафе на окраине города, в районе, где никто никому не интересен. Почти безлюдное место, пропитанное запахом подгоревшего кофе, дешёвого растительного масла для пончиков и старой тоски.

— Что было на последнем заседании? — спросила я, едва она села.

Марина нервно огляделась, хотя кроме сонного бармена нас не было никого.

— Ничего особенного, что вы бы не знали, — прошептала она, наклоняясь вперёд. — Они продолжают обсуждать проблемы с мексиканцами из Корона. В последнее время те... давят сильнее. Отбирают контейнеры прямо в порту, будто хозяева. Я не знаю, что в этих контейнерах, но по лицам... убытки огромные. У дон Барбиери вены на лбу надувались, когда он об этом говорил.

— Наркотики, оружие, люди — неважно, — спокойно ответила я. — Толстяки и идиоты не могут справиться с кучкой мексиканцев.

Я поставила чашку. Главный вопрос висел в воздухе.

— Не было такого, чтобы кто-то из донов беседовал с тремя... специфическими мужчинами? Молчаливыми, во всём чёрном, с чужими лицами? Не солдатами. Наёмниками.

Марина задумалась.

— Такого... чтобы за одним столом — нет. Но... — она сделала паузу. — Сын дон Гуэрра, Сальваторе. Он на днях... не в ресторане, а у выхода, в переулке за курилкой, разговаривал по телефону. Я выносила мусор. Он говорил тихо, но я расслышала... он обсуждал «птичек». Говорил: «Три птички вылетели на задание, жду отчёта к утру». Мне показалось... это был шифр. Код.

«Птички». Три птички. Трое наёмников в лесу.

— Сальваторе Гуэрра... — протянула я, ощущая, как в сознании щёлкает очередной замок. — Высокий, с чёрными волосами, всегда ходит за отцом как тень?

— Да, — кивнула Марина. — Он почти никогда не говорит при всех. Только слушает. Но взгляд у него... не пустой. Очень внимательный. Холодный. Не как у отца, который любит покричать.

Сын. Не сам дон Гуэрра, а его наследник. Умный, терпеливый, действующий из тени. Это было даже хуже. Это означало долгую игру. И именно такой человек мог отправить наёмников не для убийства, а для разведки — оценить новую угрозу, прежде чем вступать в открытый конфликт.

— Знаешь, когда следующая большая встреча? — спросила я.

— Вроде как в эту пятницу, — ответила Марина, понизив голос ещё больше. — Мне шеф-менеджер сказал, чтобы вся команда была наготове. Ресторан будет зарезервирован полностью. С вечера и до утра. Для «частного мероприятия». Это всегда значит — собрание советов.

Пятница. У меня было два дня.

Я вернулась в машину. Два дня. Два дня, чтобы превратить подозрения в доказательства, а информацию — в оружие.

Сальваторе Гуэрра. Человек с холодными глазами из клуба. Тот, кто смотрел на меня так, будто я была задачей в его личном списке. Теперь я знала: это он отправил слежку. Он оценивал меня. Изучал.

Вопрос: зачем?

Если бы он хотел меня убить, его люди сделали бы это в лесу. Но они только смотрели. Наблюдали. Значит, им нужна была информация. Значит, он ещё не решил, что со мной делать. Это была возможность.

Или ловушка.

Я завела машину. В голове звучали слова отца: *«Если враг прячется в тени, не лезь в темноту за ним. Зажги такой свет, чтобы тень исчезла, а он остался на виду у всех»*.

Что могло быть таким «светом» для Сальваторе Гуэрра? Что заставило бы его выйти из тени и проявить себя?

Ответ пришёл сам собой, когда я проезжала мимо порта. Контейнеры. Проблема с мексиканцами была его головной болью, если он так вовлечён в дела отца. Что, если... эта проблема внезапно решится? Не силой, а информацией. Что, если кто-то анонимно передаст таможене или конкурирующему картелю данные о следующей крупной поставке Гуэрра через порт? Убытки будут колоссальными. И виноватым окажется тот, кто отвечает за безопасность — Сальваторе. Его репутация безупречного стратега пошатнётся в глазах отца и других донов.

А потом, в самый момент его паники и замешательства, можно будет «помочь». Предложить решение. Но уже на своих условиях.

Я улыбнулась, глядя на серые воды залива. Да. Сначала нужно не доказывать его вину. Нужно создать для него такую проблему, чтобы он сам пришёл ко мне. Или чтобы его слабость стала очевидна всем.

Прошло больше трёх лет с тех пор, как я начала плести свою паутину. Анна, Кай, Марина и десятки других — мои глаза и уши на улицах, в домах, в душных ресторанных залах. Но этого было недостаточно. Чтобы добраться до сердца зверя, нужен был доступ к его логову. К его повседневной тишине. К его невысказанным мыслям.

Мне нужны были не просто информаторы. Мне нужны были призраки. Люди, ставшие частью обстановки в домах каждого из пяти Донов. Такие, чья лояльность была выкована не страхом или жадностью — эти фундаменты шатки. Их верность была отлита из иного металла: из спасённых жизней, возвращённого достоинства, тихой благодарности за шанс, который больше никто не дал.

Они были моими творениями. И теперь они были на своих местах.

Барбиери. Его новый водитель, Андрео, с руками, пахнущими машинным маслом и благодарностью. Когда дон откидывается на кожаном сиденье лимузина, чтобы обсудить с советником «проблему с поставкой стали», Андрео видит его отражение в зеркале. Он запоминает каждое слово, каждый намёк, каждый вздох раздражения. Его отчёты приходят ко мне в виде «списка запчастей», где названия деталей — это имена, а цены — суммы сделок.

Коста. В его особняке теперь царит тишина, которую нарушает лишь скрип половиц под ногами новой горничной, Софии. Она слегка туговата на ухо, что весьма устраивает Дона — меньше лишних услышанных секретов. Но София читает по губам. Безупречно. И пока она протирает пыль с фамильного серебра, её глаза ловят каждое движение губ за столом переговоров.

Луккезе и Гамбино. У них — свои призраки. Молодой бухгалтер в фирме-прокладке Луккезе, чью сестру я вытащила из борделя в Бангкоке. И повар в любимом ресторане Гамбино, чей

сын получил стипендию в престижной музыкальной академии — за моей, разумеется, незримой подачей.

Гуэрра. Их крепость, казалось, была неприступна. Но даже в самой крепкой стене есть незаметная трещина — привычка. Привычка к тишине и эффективности. «Тихий» — Лео — стал частью их пейзажа. Бывший морпех с пустым взглядом и руками, которые умеют всё. Он в наружной охране. Он не входит в тайные кабинеты, но он знает расписание. Он видит, кто приезжает под покровом ночи, чьи машины стоят у чёрного хода до рассвета. Его сообщения лаконичны, как военные донесения, и передаются через «потерянные» зажигалки в строго определённой урне у гаража.

Информация стекается ко мне теперь не ручейками, а полноводной, тёмной рекой. Я знаю о Донах то, чего не знают их жёны. Я знаю распорядок их дня, их страхи, их тайные болезни, стоимость их любовниц, номера их зашифрованных счётов, пароли от их личных компьютеров. Я знаю, что Барбиери панически боится темноты и спит со светом в коридоре. Что Коста тайно принимает лекарства от панических атак. Что старый Гамбино, этот лис, до сих пор пишет от руки зашифрованные письма своей первой любви в Палермо. Что сын Гуэрра, Сальваторе, платит огромные деньги частному психологу, но при этом методично строит планы по расширению влияния.

Они — могущественные пауки в центрах своих золотых паутин. Но они даже не подозревают, что в самой ткани этих паутин уже вплетены нити, которые держу я.

Сегодня мне осталось лишь отточить последние детали, подготовить каждую папочку так, чтобы моё слово прозвучало не просто громко, а как приговор, от которого не будет апелляции.

Я приехала к Анне. В её крошечной, но безупречно чистой квартире царил знакомый хаос осмысленного труда. На столе гора бумаг и документов возвышалась, как миниатюрный картонный небоскрёб, испещрённый пометками, стрелками, подчёркиваниями.

Увидев эту картину, я невольно улыбнулась. Здесь, среди этого бумажного шторма, царила иная реальность. Работать с цифрами и фактами после вчерашнего... действия — было почти медитативно. Там, в лесу, я имела дело с грубой физиологией, с окончательностью свинца и бетона. Здесь же я была хирургом, оперирующим тончайшим скальпелем логики.

— Синьорина Лючия, — Анна подняла на меня усталые, но ясные глаза. — Всё, что вы просили. Потоки через Кайманы, пересечения с мексиканскими счётами, цепочка подставных фирм. Особенно по Гуэрра. Здесь... — она потянулась к отдельной, тонкой папке цвета охры, — это то, о чём вы спрашивали. Личные транзакции Сальваторе. Очень любопытные.

Я села напротив.

— Показывайте.

Она водила тонким пальцем по колонкам цифр, поясняя связи, отмечая аномалии.

— Видите эту сумму? — она указала на перевод в швейцарский банк. — Это слишком... кругло. Сальваторе перевёл эти деньги за неделю до того, как те трое появились на вашем хвосте. Плата была авансом. А вот здесь... — она перелистнула страницу, — ...следующий платёж, уже после предполагаемого «успешного завершения». Он не состоялся. Деньги вернулись на его счёт с пометкой «отмена услуг».

Значит, Сальваторе не только отдал приказ. Он уже заплатил за результат, который так и не получил. И теперь его деньги болтаются в системе, а люди — в лесу. Он должен нервничать. Должен искать ответы.

— Идеально, — прошептала я. — Это наша ниточка.

Мы проработали ещё несколько часов. Каждая папка превращалась не просто в досье, а в повесть о жадности, глупости и предательстве. Оружие было почти готово.

Поздно вечером, когда тени в комнате стали длинными и густыми, я собрала папки в свой дипломат.

— В пятницу, — сказала я, глядя на Анну. — Всё решится через два дня.

Она кивнула, и в её взгляде я увидела не просьбу о пощаде или мести, а нечто более весомое — доверие к моему плану.

Выходя в прохладный ночной воздух, я чувствовала не усталость, а сосредоточенную, ледяную энергию. Завтра мне предстояло выйти из тени. Но я выйду не с пустыми руками. Я выйду с архивами их собственных падений.

Глава 4

Пять утра. Будильник не звонил. Он был не нужен. Мой внутренний механизм, заведённый отцом, срабатывал точнее любого швейцарского хронометра. Сон отступил сам, как испуганный страж, уступая место ясности.

Темнота за окном была ещё густой, непроглядной, шёлковой мантией, наброшенной на город. Я включила настольную лампу — мягкий, жёлтый свет выхватил из мрака строгие линии моей спальни в квартире на «Кэш-аут». Ничего лишнего. Никаких фотографий, безделушек, сентиментальных намёков на прошлую жизнь. Только функциональная мебель из светлого дерева и стальной сейф, вмурованный в стену. Здесь я была не Лючией ди Сангро, наследницей империи. Здесь я была оператором. Архитектором.

Первые полчаса нового дня принадлежали телу. Йога на тонком коврике, последовательность асан, доведённая до автоматизма за годы тренировок. Каждое движение — контроль. Растяжка, плавный переход, задержка дыхания, тишина, нарушаемая только биением сердца. Не для просветления или покоя. Для абсолютной дисциплины. Чтобы каждая мышца, каждое сухожилие помнило: они — инструменты, а я — ремесленник. Потом — силовая. Отжимания с чётким ритмом, планка, отсчитывающая секунды до дрожи в прессе, упражнения с собственным весом, превращающие гравитацию в союзника. Боль была знакомой, почти дружеской субстанцией. Она не ломала — она закаляла сталь воли, напоминая, что любое сопротивление можно преодолеть, если дышать и не сдаваться.

Душ — ледяной, обжигающий, до мурашек на коже и хруста льда в лёгких. Ещё одна маленькая, ежедневная победа над инстинктом слабости. Капли воды на коже чувствовались как доспехи.

Завтрак готовила сама, на крохотной, безупречно чистой кухне. Овсянка на воде, щепотка соли, горсть сырого миндаля для ясности ума. Зелёный чай, горький и очищающий. Ела стоя у узкого окна, наблюдая, как ночной Нью-Йорк постепенно сдаётся серому, безрадостному рассвету. В голове, синхронно с жеванием, прокручивался план дня. Чёткий, как военная операция.

09:00 — Переговоры с тем бухгалтером из семьи Косты. Он должен был сегодня передать первые данные по офшорным схемам старого дона. Не через цифру — через старомодный, зашифрованный блокнот, оставленный в урне у фонтана в Бэттери-парк. Я отправлю за ним Томми.

11:30 — Проверить свежий отчёт Кая по цифровым следам Барбиери. Нужно было найти аномалию — несоответствие между его легальными тратами и образом жизни. Кай копал в его онлайн-покупках, подписках, даже в истории такси. Дьявол, как всегда, в деталях.

13:00 — Позвонить Анне. Не только за отчётом по финансовым потокам Гуэрра. Узнать, как дела у того мальчишки, сына солдата Энрико, чьё лечение от лейкемии я оплатила через три подставных благотворительных фонда. Не из доброты. Из холодной стратегии. Верность, купленная такой ценой, держится крепче стали. Страх может заставить солгать. Благодарность — заставить умереть за тебя.

15:00 — Встреча с Томми.

ФЛЕШБЕК: Два года назад. Вербовка Томми.

Гаражи на окраине Бруклина были царством ржавчины, машинного масла и вечного полумрака. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом бензина и отчаяния. Я шла мимо открытых боксов, где под взглядами хмурых мужчин в промасленных комбинезонах умирали очередные «шевроле» и «форды». Мне было семнадцать, и я выглядела ещё моложе в простых джинсах и тёмной ветровке, но странное дело — здесь на меня почти не смотрели. Я была частью пейзажа, тенью. Отец учил: «Чтобы тебя не заметили, стань фоном». Грязь и обшарпанные стены были идеальным фоном.

Мой целевой бокс был в самом конце. Над ним не горела лампа. Из открытых ворот доносилось не ритмичное постукивание инструментов, а глухое, яростное хрипение и звон металла о металл. Словно кто-то не ремонтировал машину, а пытался её убить.

Я остановилась в проёме. Под старым пикапом, застрявшим на домкратах, торчали чьи-то ноги в разодранных армейских ботинках. Рядом валялась разбитая фара. Видимо, жертва.

— Эй, — сказала я тихо, но чётко.

Хрипение прекратилось. Из-под машины выполз человек. Не просто грязный — он был вымазан горем и злостью, как машинным маслом. Томми «Гаечный ключ». Бывший механик семьи Коломбо. Отсидел семь лет за убийство, которое не совершал — его подставили, чтобы списать смерть одного слишком болтливого сборщика долгов. Вышел полгода назад и с тех пор медленно, но верно пропивал последние крохи репутации и надежды.

Он уставился на меня воспалёнными глазами.

— Уходи, девочка. Не продаю тут ничего и никого не вызываю.

— Я не покупаю и не вызываю, Томми, — сказала я, оставаясь на месте. — Я предлагаю работу.

Он фыркнул, плюнул в лужу мазута.

— Работу? Мне предлагали «работу» ребята твоего братца. Знаешь, какая это работа? Отвезти пару чемоданов в порт и не задавать вопросов. А потом снова сесть, когда они решат, что я слишком много видел.

— Я не мой братец, — отрезала я. — И работа другая. Не возить, а смотреть. Не молчать, а помнить.

Он приподнялся, опираясь о покрышку. В его взгляде появилась не только злоба, но и проблеск любопытства.

— Смотреть на что?

— На машины, которые ты чинишь. Особенно те, что привозят ночью. На царапины на порогах. На песок в ковриках, который бывает только на одном конкретном пляже в Ста-тен-Айленде. На следы крови, которые плохо отмыли. На номера, которые заляпаны грязью, но их можно разглядеть, если очень хотеть.

Он медленно поднялся во весь рост. Он был огромным, грузным, но от этой массы веяло не силой, а усталой обречённостью.

— Ты совсем ебанутая, девочка? Зачем мне это? Чтобы меня добили? Они уже разок попробовали, и у них получилось. Не хочу вторую порцию.

— Потому что они вернутся, — сказала я, и мои слова упали между нас, как гири. — Ты для них — живой гвоздь в гробу той истории. Пока ты дышишь и помнишь, что они с тобой сделали, ты — угроза. Слабенькая, пьяная, но угроза. И они её устранят. Не сегодня, так через месяц. Как твоего напарника Винни, которого нашли на прошлой неделе в багажнике того самого «шевроле», что ты «не помнишь, кто привозил».

Томми дрогнул. Я попала в цель. Винни был его единственным другом здесь, такой же отщепенец. Его смерть он списал на пьяную драку, но в глубине души знал правду.

— *Что ты предлагаешь?* — его голос стал тише, хриплее.

— *Новую жизнь, Томми. Чистую. Далеко отсюда. — Я достала из внутреннего кармана ветровки не конверт, а связку ключей и сложенный листок. — Ключи от гаража во Флориде. Маленький городок у океана. Там ждут документы на имя Томаса Рэя. Никакой мафии. Только рыбаки, туристы и старые машины, которые нужно чинить, чтобы они ездили, а не возили трупы.*

Он смотрел на ключи, будто на мираж. Его рука дрогнула, потянулась, но не взяла.

— *А что взамен?* — прошептал он. — *Ничего просто так не бывает.*

— *Взамен ты даёшь мне то, что уже знаешь. И будешь смотреть и запоминать следующие две недели. Пока я оформляю документы и прокладываю маршрут, по которому ты исчезнешь. Ты станешь моими глазами здесь, на этой свалке. А потом — ты свободен. Ты сможешь просыпаться и не бояться, что сегодняшний день — последний.*

Это был не обмен. Это было спасение. И он это понимал.

— *А если это ловушка? Если ты от них?*

— *Если бы я была от них, — холодно сказала я, — ты был бы уже мёртв. И твой гараж горел бы. Мне не нужна твоя смерть, Томми. Мне нужна твоя память. И твоё умение видеть то, что другие не замечают.*

Я положила ключи на крыло ржавого пикапа. Рядом с ними — одноразовый телефон.

— *Набрать один номер. Только если увидишь что-то очень важное. Про машину, которая не должна быть здесь. Про человека, который боится своей тени. Потом сотрёшь. Через две недели в это время я буду здесь. С билетом на автобус и полным комплектом документов. Твоё решение.*

Я развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Моя спина чувствовала его взгляд — тяжёлый, полный смятения. Я слышала, как он шумно выдохнул, потом — звон ключей, которые он взял в руку.

Второй кирпичик. Этот — из страха и предложенного выхода. Томми не будет анализировать, как Анна. Он будет фиксировать факты. Следы шин. Особенности покраски. Детали, которые превращаются в улики. Он даст мне доступ к физическому миру преступлений, к их материальным следам.

Через два дня одноразовый телефон в моей квартире завибрировал один раз. Пришла смс с одним словом: «Белый фургон. Номера стёрты, но под грязью NH-449. Был в ночь, когда пропал Луиджи».

Луиджи — мелкий ростовщик, исчезнувший на прошлой неделе. Его искали все. А белый фургон был в гараже Томми.

Короткая встреча на нейтральной территории — автомойка самообслуживания. Ему нужно передать новое задание: не наблюдение, а действие. Аккуратная «утечка» информации о некоей слабости в охране особняка Гуэрра, которую он, как образцовый солдат, «случайно» обнаружит и доложит. Это повысит его доверие и посеет зёрна паранойи.

После завтрака — основная работа. Я расстелила на широком столе карты, распечатки финансовых отчётов, фотографии, вырезки. Моя сеть была живым организмом, а я изучала его рентгеновские снимки. «Семья» в её нынешнем состоянии была похожа на ядовитую плесень, проросшую сквозь гнилой фундамент: чтобы её вывести, нужно было найти каждую спору, каждую нить мицелия.

Красный маркер в моей руке был скальпелем. Я делала пометки, соединяя имена, компании-пустышки, маршруты грузовиков, номера счетов. Одна линия вела от подставной фирмы в Делавэре к счёту в Лихтенштейне. Другая — от этого счёта к роскошной квартире на Манхэттене, купленной на имя любовницы одного из капо Барбиери. Третья, рваная, упиралась в порт, в контейнеры с пометкой «машинное масло», которые слишком редко проверяла таможня.

Мир за окном окончательно оживал, наполняясь гулом: завывали сирены «скорой», гудели мусоровозы, где-то далеко кричали продавцы с тележек. А в моей комнате царила иная реальность — тишина операционной, нарушаемая только шелестом бумаги, лёгким скрипом маркера и ровным, медленным биением моего сердца. Здесь я не реагировала на мир. Я его перестраивала. По одной связи за раз. По одному слабому месту за раз.

Я сидела уже в машине, как мысль вонзилась внезапно, как заноза под ноготь, отвлекая от красных линий на карте. Лоренцо. Младший брат. Пятнадцать лет, живёт с бабушкой в Прескотте, в трёх часах езды от этого ада. Я не видела его почти полгода. После похорон отца, после той ночи, когда я поклялась найти убийцу, я... отдала его. Оградила. Посчитала, что так безопаснее.

Но сейчас, в этой комнате, пахнувшей бумагой и холодным расчётом, этот образ — его мальчишеское, ещё не огрубевшее лицо, глаза, так похожие на мамины, — ударил с неожиданной силой. Это была не сентиментальность. Это был голый, стратегический страх. Если враги копают так глубоко, чтобы найти моих «птичек», если они копают под мою сеть... Лоренцо — самая очевидная, самая уязвимая точка. Бабушка — старая, добрая, её мир ограничен садом и церковью. Она не знает правил нашей войны. А Лоренцо... он всё ещё верит, что у меня «скучная офисная работа в городе».

Не долго размышляя, я уже мчалась по шоссе, оставляя позади удушливый смог города. Впервые за долгие месяцы я ехала не на задание, не на встречу с агентом. Я ехала к семье. И от этого внутри всё сжималось в тугую, тревожную комку.

Прескотт. Контраст был ошеломляющим. Вместо граффити и решёток на окнах — аккуратные домики с верандами, зелёные лужайки, запах скошенной травы и барбекю. Здесь пахло миром, в котором я была чужой.

Бабушкин дом, белый, с голубыми ставнями, стоял в конце тихой улицы. Сердце ёкнуло странно — не от нежности, а от острого осознания хрупкости этого мира. Я припарковалась за углом, сделала глубокий вдох, сметая с лица маску оператора. Нужно было стать просто... сестрой. Получилось плохо.

Меня встретила бабушка на пороге. Её лицо, изборождённое морщинами мудрости и тихой грусти, озарилось искренней, беззащитной радостью.

— Лючия! Piccola mia! — Она обняла меня, и от её запаха — лавандового мыла и домашнего печенья — на мгновение перехватило дыхание. Это был запах другого времени. Запах «до».

— Ciao, Nonna. Всё хорошо?

— Всё, всё, солнышко. Лоренцо во дворе, с этим своим компьютером. Всё время в него уткнулся. — Она покачала головой, но в глазах светилась бесконечная снисходительность.

Я прошла через прохладную, заставленную старинной мебелью гостиную в маленький, залитый вечерним солнцем сад. И увидела его.

Он сидел в гамаке между двумя яблонями, уткнувшись в экран ноутбука. Не ребёнок, но ещё и не мужчина. Подростковая угловатость, отцовский упрямый подбородок, мамины светлые, пушистые волосы. Он что-то яростно печатал, брови сведены в сосредоточенной гримасе.

— Предъяви пароль, хакер, — сказала я, стараясь, чтобы в голосе звучала лёгкость.

Он вздрогнул, захлопнул ноутбук и подскочил. На его лице мелькнуло удивление, затем сдержанная радость, которую он тут же попытался скрыть под маской подросткового равнодушия.

— Лючия? Что ты тут делаешь? — Его голос ломался.

— Навещаю свою единственную, самую красивую бабушку. И заодно — какого-то гика.

Мы говорили ни о чём. О школе (у него проблемы с алгеброй, но он блещет в информатике). О его планах на лето (хочет пройти онлайн-курс по кибербезопасности — ирония

судьбы резанула меня остро). О новой игре. Он осторожно, без подробностей, расспрашивал о моей «работе». Я врала. Гладко, убедительно, с аптекарской точностью. Каждая ложь оставляла горький привкус на языке.

И всё это время мой профессиональный взгляд сканировал периметр. Слишком тихая улица. Соседский дом с постоянно задёрнутыми шторами. Старый фургон, припаркованный в двух кварталах — он тут вчера был? Бабушка наивно болтала за ужином (паста по-сицилийски, как готовил отец), а я ловила каждый звук за окном.

Перед отъездом, когда Лоренцо пошёл проводить меня к машине, я положила руку ему на плечо, заставив остановиться.

— Лоренцо. Слушай внимательно. — Мой голос потерял всю братскую теплоту, став плоским и металлическим. Голосом из того мира. — Твои уроки кибербезопасности. Это хорошо. Доведи до совершенства. Никому — никому — не говори о том, что я здесь была. Даже лучшему другу. Даже девчонке, которая тебе понравится. Твои соцсети — приватны на максимум. Ты не отмечаешь геолокации. Никогда. Если тебе напишет незнакомец, если что-то покажется странным — вот этот номер. — Я сунула ему в руку одноразовый телефон с единственным контактом «К». — Только в случае крайней опасности. Понял?

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. В них было непонимание, но и проблеск того самого, взрослого осознания, которое я так боялась в нём увидеть.

— Это из-за папы? — тихо спросил он. — Ты всё ещё ищешь того, кто это сделал?

Я не ответила. Просто сжала его плечо — чуть сильнее, чем нужно, — развернулась и села в машину. В зеркале заднего вида я видела, как он стоит на тротуаре, худой и потерянный, сжимая в руке чёрный пластиковый прямоугольник, похожий на обломок моей войны, упавший в его тихий, зелёный мир.

Я ехала по ночной трассе и не видела дороги. Перед глазами стояло его лицо — Лоренцо, мой младший брат, с этим телефоном в руке, с этим выражением взрослого понимания в глазах.

Я не должна была туда ехать, — подумала я. — Я только сделала хуже. Теперь он в опасности. И всё из-за меня.

Я сжала руль. Внутри поднималась паника — холодная, липкая, от которой перехватывало дыхание.

Если с ним что-то случится... если они тронут его...

Я не дала себе договорить. Нельзя. Нельзя думать о худшем. Надо работать. Надо защищать.

Но страх остался. И никуда не ушёл.

Вместо спокойной аналитики вечером меня ждала срочная, рискованная работа: через Кая создать Лоренцо и бабушке цифровую дымовую завесу, фальшивые следы, отвлекающие манёвры. И подумать о более надёжной, дальней точке эвакуации для них. На случай, если всё полетит к черту.

Я приехала не для того, чтобы обнять брата. Я приехала, чтобы осознать новую, огромную брешь в своих укреплениях. И теперь мне предстояло её латать, пока через неё не хлынула тьма. Этот день, начавшийся с контроля, закончился жгучим пониманием: самые опасные слабости — не в финансовых отчётах врагов. Они — в тех, кого, вопреки всем правилам, продолжаешь любить.

Глава 5

Настала пятница. На моём столе в строгом порядке лежали пять папок. Не просто стопки бумаги, а концентрат трёх лет тихой войны, страховки страхов, расчёта расчётов. То, что мне требовалось для неоспоримой серьёзности намерений. Вес каждой ощущался физически — это был вес власти.

Я стояла перед зеркалом в безопасной квартире. Отражение было чужим, вылепленным из тени и стали. Чёрный костюм, идеально скроенный, не облегал, а строил фигуру — это были не одежда, а функциональные доспехи. Ни одной лишней линии, ни одного намёка на мягкость. Часы отца на запястье — тяжёлые, с потускневшим от времени циферблатом — не аксессуар, а талисман и холодное напоминание. Каждый тихий тик напоминал: время уходит. Его время ушло. Моё — настало. Сегодня я была не Люцией, не дочерью, не даже сестрой Марко. Я была претендентом. Призраком, вынырнувшим из щелей их собственной системы, чтобы предъявить счёт.

Я поправила воротник, пригладила волосы. Взгляд в зеркале был твёрдым, но где-то в глубине, в самой тёмной уголке души, прятался страх. Я запретила себе думать о нём. Приказала молчать.

Телефон лежал на комод, как чёрная плитка. Последнее сообщение от Марины, пришедшее десять минут назад, светилось на экране:

«Все в сборе. Запахло грозой. Ваш брат уже выпил третий бурбон. Трясётся. Барбиери нервно щёлкает зажигалкой, бросает взгляды на Гуэрра. Коста просто смотрит в стену, как будто уже видит там своё имя. Гамбино прибыл последним — улыбается. Улыбка ледяная.»

Идеально. Они уже на взводе. Разобщены. Страх и подозрения витают в воздухе гуще сигарного дыма.

Я убрала телефон в карман и в последний раз взглянула на себя в зеркало.

— Ты справишься, — сказала я вслух. — Ты всегда справлялась.

«Джузеппе» снаружи излучал фальшивое тепло гостеприимства. Я наблюдала из тени арки напротив, как чёрные, полированные катафалки-седаны один за другим выплёвывают своих хозяев на красную ковровую дорожку. Риккардо Барбиери, поправляющий манжеты с безупречной, нервной точностью. Винни «Рыба», кряхтя и отдуваясь, вываливающийся из машины, как тюлень на берег. Расплывчатые, искажённые тени за матовыми стёклами приватного зала уже пили мой позор, мой неминуемый провал, который они считали предreshённым.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как холодный воздух наполняет лёгкие.

— Время, — прошептала я.

Я вошла не через парадную дверь, а через служебный вход, тот самый, что использовала Марина. Коридор, ведущий к «Частному клубу», дышал ледяным дыханием кондиционера и запахом старой, пропитанной влагой и тайнами древесины — запахом застоявшейся, немощной власти. Два охранника-быка с шеями шире их голов преградили путь, сомкнувшись в живую стену.

— Семейный ужин, синьорина. Не для посторонних, — буркнул один, глядя куда-то сквозь моё плечо.

Я не стала тратить на них ни слова, ни взгляда. Достала из внутреннего кармана пиджака маленький, безликий конверт из плотной, кремовой бумаги.

— Передайте дону Гуэрре. Лично в руки. Скажите только: «Слепота друзей опаснее зоркости врагов. Ответ ждёт у двери».

Бык на секунду замер, его туповатое лицо отразило внутреннюю борьбу между приказом и намёком на нечто важное. Он взял конверт и скрылся за тяжёлой дубовой дверью. Я осталась

в коридоре, отсчитывая в уме удары своего сердца. Десять. Двадцать. Пятьдесят. Семьдесят. На девяносто втором ударе дверь открылась снова.

— Проходите, — сказал второй охранник. Его голос теперь звучал иначе — в нём появилась сдержанная, настороженная почтительность.

Я вошла.

Воздух в «Частном клубе» ударил по лицу — густой, тяжёлый, спёртый коктейль из запахов: выдержанного коньяка, кубинских сигар, дорогого парфюма, мужского пота и чего-то ещё — острого, животного страха. На дальней стене — огромная, мрачная картина «Охота на кабана» в золочёной раме. В углу, под тёмным абажуром, стояло чучело огромного гризли, поднявшегося на задние лапы. Его стеклянные глаза тускло отражали свет люстры, будто слепой, равнодушный свидетель вековой резни.

Пять пар глаз, как пять дул, впились в меня.

Альфредо Коста сидел, ссутулившись, будто его костлявый, высохший каркас не мог выдержать веса собственного пиджака из тончайшей шерсти. Его пальцы, жёлтые от никотина и времени, медленно, с болезненной, гипнотической точностью вращали массивный золотой перстень с тёмным, как запёкшаяся кровь, рубином. Круг за кругом. Он даже не поднял на меня свои мутные, утонувшие в мешках кожи глаза.

Винни «Рыба», напротив, вскипел мгновенно. Его багровое, отёкшее лицо исказилось гримасой чистого, неприкрытого гнева. Он с шумом отодвинул стул и тяжело опёрся ладонями о стол, готовясь подняться, как разъярённый бык.

Джонни «Костлявый» Луккезе откинулся на спинку стула с видом циничного, пресыщенного зрителя в первом ряду дешёвого театра. Он взял со стола длинную, тонкую сигарету, закурил её с театральной небрежностью и выпустил струйку дыма прямо в мою сторону.

Риккардо Барбиери сидел с неестественно прямой, деревянной спиной. Перед ним на столе была выстроена идеальная линия: три телефона, серебряная пепельница, зажигалка «Dupont» и стакан воды без льда. Его привычка — навязчиво щёлкать крышкой зажигалки. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Метроном его скрытой, тщательно подавляемой нервозности. Увидев меня, щелчки участились, стали резче, словно треск сухих веток.

И он. Винченцо Гуэрра. Он занимал своё место не во главе, но в точке, откуда видел всех и всё. Перед ним не было ничего, кроме одного бокала с водой и моего вскрытого конверта. Его руки, с длинными, почти аристократичными пальцами, лежали на столе неподвижно, кончики пальцев едва соприкасались, образуя идеальную, хрупкую арку. Это была поза абсолютного, ледяного контроля. Его лицо — высеченная из мрамора маска. Только глаза, цветом и твёрдостью напоминающие промокший пепел, медленно скользили по мне, считывая данные, как бездушный сканер.

За его правым плечом, в полутени, стоял Сальваторе. Не сидел. Стоял, как клинок в ножах — часть тени отца, но с собственной, опасной аурой. Его руки были сцеплены за спиной, безупречная военная выправка. Он смотрел не на меня, а на комнату, оценивая каждую гримасу, каждый вздох стариков, но я кожей спины чувствовала его внимание, сфокусированное на мне, как луч лазерного прицела.

В его взгляде не было угрозы. Не было интереса. Было что-то другое — изучение. Оценка. Как будто он видел меня насквозь и раскладывал по полочкам: *сильные стороны, слабые стороны, потенциальная ценность, потенциальная угроза.*

Я встретила его взгляд. Холодно. Спокойно. И отвела первой.

Потом будут и другие встречи. Сейчас — только стол и старики.

И, наконец, Марко. Мой брат. Он сидел справа от пустующего «главного» кресла, в позе провинившегося мальчика, которого посадили со взрослыми. Увидев меня, он совершил целую серию мелких, панических движений: резко схватился за бокал, сделал слишком большой глоток.

ток, поперхнулся, склонился над столом, кашляя. Потом начал навязчиво тереть большим пальцем край столешницы, будто пытаюсь стереть пятно или само своё присутствие.

— Лючия, *saia mia!* — первым нарушил тишину Барбиери, натягивая маску радушия, которая треснула по краям. Щёлк. — Какой... сюрприз! Марко сказал, ты... помогаешь по хозяйству. — Щёлк. — Должно быть, ошиблась дверью, *bambina*. Семейный обед в другом зале. — Щёлк. Щёлк.

Я проигнорировала его, как игнорируют шум за окном. Сделала пять ровных, отмеренных шагов к столу. Каблуки отбивали чёткую дробь по старому паркету, и этот звук был громче любых слов. Я открыла кожаную папку и с глухим, весомым стуком выложила на полированную столешницу пять конвертов. Каждый — с инициалами, вытисненными холодным золотом: V. C. L. F. G.

Затем я обошла стол, потянула на себя тяжёлый дубовый стул — тот самый, что стоял в ногах у негласного «трона», — и села. Скрип дерева под моим весом прозвучал в тишине, как ружейный выстрел.

— Простите за опоздание, джентльмены, — мой голос лёг на тишину, холодный и ровный, как лезвие, проведенное по льду. — Пришлось задержаться. Разбиралась с вашими проблемами.

Наступила тишина, настолько густая, что в ней можно было резать ножом запах страха. Коста лишь чуть сильнее надавил на перстень. Винни хрипло выдохнул.

— Ты... что ты несёшь, девочка? — просипел Коста, наконец оторвав мутный взгляд от стены. Его голос был безжизненным, как скрип несмазанной двери в склепе.

— Я несу диагноз, дон Коста. И лекарство. — Я положила ладони на стол, ощущая под пальцами ледяное, отполированное временем и сделками дерево. — Вам — к вашему гниющему порту и крысе, что точит ваш флот изнутри. Вам, дон Винни — к болезни в вашей же бригаде, причём не той, о которой вы думаете. Вам, дон Риккардо — к авантюре в Атлантик-Сити, которая привлечёт федералов раньше, чем принесёт первый доллар. И всем вам вместе — к раковой опухоли под названием «*Desierto*», которая уже считает вас своими наёмными менеджерами.

Сначала они просто смотрели. Потом Джонни Костлявый фыркнул, стряхнул пепел с сигареты прямо на белоснежную скатерть. Звук, похожий на лопнувший мыльный пузырь презрения, вырвался из его тонких, язвительных губ.

— Выросла! — захохотал он, шлёпнув костяшками пальцев по столу. Та-та-та. Нервная, насмешливая барабанная дробь. — Вся в отца! Хулиганка! Марко, ты слышишь? Сестрёнка твоя выучила новые страшные слова! — Он повернулся к Винни, подмигнул с преувеличенным удивлением. — Может, дать ей микрофон, пусть споёт нам песенку? А то обед без развлечений!

Его смех, грубый и нарочито громкий, подхватил Винни «Рыба». Его тушка затряслась, лицо побагровело от веселья. Он ударил кулаком по столу, зазвенели бокалы.

— Бабушку напоминает! Ту, что на свадьбах песни пела! Только та хоть в рифму говорила, а эта как попугай, слова повторяет!

Даже Барбиери позволил себе снисходительную ухмылку, качая головой, как взрослый на выходки невоспитанного ребёнка. Его щелчки стали чуть реже, увереннее. Щёлк. Пауза. Щёлк. Он успокаивался. Это была всего лишь истерика.

Только Гуэрра и его сын не двигались. Один — ледяной идол. Другой — тёмная статуя.

Марко же рванулся с места. Его стул с оглушительным грохотом упал на паркет.

— Лючия, хватит! — его голос сорвался на визгливый, истеричный фальцет. — Ты опозорила наше имя! Ты... сумасшедшая! Я тебя... я велю тебя вывести! — Он сделал шаг ко мне, нелепый и жалкий в своей ярости, но замер, будто наткнувшись на невидимую стену, под взглядом Винченцо Гуэрры. Взглядом, в котором читалось лишь ледяное, безразличное презрение к этой демонстрации слабости.

— Заткнись, Марко, — сказала я, не глядя на него. Я смотрела на смеющихся стариков, на их зубы, обнажённые в гримасе отжившего своё мира. — Твой спектакль окончен. Ты исполнил свою роль клоуна. Теперь садись. — Я перевела взгляд на него, и в моих глазах не было ничего, кроме холодного, беспощадного приказа. — И учись.

Он замер, побагровев от такого унижения. Он беспомощно схватил упавший стул, с трудом поставил его и плюхнулся, опустив голову. Его плечи тряслись.

Смех постепенно стих, сменившись напряжённым, злым любопытством. Они ждали, когда я лопну, заплачу, сбегу.

Винченцо Гуэрра поднял руку. Едва заметное движение. Но его хватило, чтобы в зале воцарилась абсолютная, давящая тишина. Гуэрра потянулся к конверту с буквой «G», коснулся его длинным, бледным пальцем, не отрывая от стола.

— Допустим, — его голос был тихим, но резал тишину, как отточенная шёлковая нить, — это не детские кривляния или... горестные фантазии. — Он бросил короткий, уничтожающий взгляд на Марко. — Почему мы должны слушать? Почему должны верить бумажкам?

Я медленно улыбнулась. Это был не дружеский жест. Это был оскал.

— Верить? Я не прошу веры. Я предлагаю сделку. Вы берёте мою руку и вытаскиваете себя из дерьма, в которое увязли по горло благодаря собственной жадности и глупости. — Я сделала паузу. — Или продолжаете барахтаться, пока «Desierto» не перережут вам глотки и не выбросят ваши трупы в Гудзон, как это случилось с шестерыми вашими людьми на прошлой неделе. Разве не так, дон Винни? Или вы до сих пор верите в «несчастный случай на рыбалке»?

Винни «Рыба» резко побледнел. Его багровое веселье испарилось, сменившись звериной, немой яростью. Он зарычал, низкий звук, идущий из глубины груди.

— Кто тебе... — начал он, но Гуэрра снова жестом остановил его.

— Интересно, — произнёс старый дон, его пепельные глаза сузились до холодных щёлочек. Он, наконец, оторвал конверт от стола, поднял его, будто взвешивая невесомую, но смертельную угрозу. — Ты явилась, оскорбила традицию, бросила нам в лицо наши секреты. В нашем мире за такое либо благодарят... либо проверяют. Всегда проверяют.

Он кивнул Барбиери. Тот, побледнев, отдал тихий приказ одному из своих людей. Через минуту на стол, поверх разбросанных конвертов, с тяжёлым, глухим, зловещим стуком лёг старый револьвер. «Кольт Питерсон» 1911 года. Синеватая, холодная сталь, рукоять из пожелтевшей слоновой кости.

— Русская рулетка, — объявил Гуэрра без тени эмоций. — Один патрон. Пять пустых камор. Цилиндр вращаешь ты сама. Если щёлкнет холостой — твой голос будет услышан. Если же судьба сочтёт иначе... — он слегка развёл руками, — твой брат получит прекрасный повод для траура. И мы — избавление от назойливой... проблемы.

Воздух в зале вымер. Марко издал странный, клокочущий звук — смесь рыдания, икоты и предсмертного хрипа — и схватился руками за голову.

Старики замерли. Коста перестал вертеть перстень и замер. Джонни Костлявый затушил сигарету, придавив её с жестокой, окончательной точностью. Барбитери замер, его рука с зажигалкой зависла в воздухе. Даже Винни перестал тяжело дышать. В их глазах теперь горел не смех, а холодный, первобытный, голодный азарт. Они жаждали зрелища. Крови.

Я посмотрела на револьвер. Весь мир сузился до этой синеватой стали, до тёмного, бездонного отверстия дула.

Я могла умереть. Пуля могла быть в том гнезде.

Мысль пришла и ушла, не задержавшись. Страх был где-то далеко, за семью печатями. Сейчас было только холодное, ледяное спокойствие.

Я встала. Подошла к столу. Подняла «Кольт». Он был чудовищно тяжёлым в руке, холодным, враждебным, как отлитый из ада металл. Запах старой смазки, едкой пороховой гари и страха — чужого, впитавшегося в дерево рукояти за десятилетия.

— Лючия, нет... ради всего святого, нет... — прохрипел Марко, его голос был слабым, беспомощным, полным слёз.

Я обвела взглядом стол. Жадные, замершие в ожидании маски. Ледышка Винченцо Гуэрры. И взгляд его сына. Сальваторе больше не был статуей. Он слегка наклонился вперёд, его тело было напряжено, как у хищника, замершего перед прыжком. Его глаза, тёмные и неотрывные, изучали не пистолет, а моё лицо, мой взгляд, линию губ. В них не было страха. Не было надежды. Было чистое, холодное любопытство учёного, наблюдающего за экспериментом. *Выживет или нет?*

Я оттянула затвор. Резкий, сухой, металлический щелчок взвёл курок. Звук эхом отозвался в гробовой тишине.

Не давая себе думать, я поднесла ледяной ствол к собственному виску. Точка максимального давления. Точка невозврата. Холод металла прожигал кожу до кости.

Я замерла на секунду. Одну. Две.

«Боль пройдёт, — сказал отец, когда мне было десять, и я разбила колено. — А урок останется. Поднимайся».

Я поднялась. Всегда поднималась.

Я нажала на спуск.

ЩЁЛЧОК.

Сухой, оглушительно громкий щелчок в абсолютной, могильной тишине.

Я не моргнула. Не вздрогнула. Не отпрянула. Я просто стояла, чувствуя, как холод от дула медленно просачивается в кость. Потом, с преувеличенной, почти театральной точностью, опустила руку и положила револьвер обратно на стол, точно на то же место.

— Запах холостого патрона, — сказала я тихо, и мой голос, хрипловатый от дикого напряжения, прозвучал в тишине, как удар хлыста, — всегда один и тот же. Это запах страха. Не того, кто держит ствол. А тех, кто за ним наблюдает.

Коста выдохнул долгим, свистящим звуком и перекрестился. Джонни Костлявый перестал ухмыляться. Его лицо стало каменным, пепельным. Винни «Рыба» смотрел на пистолет, будто видел призрак. Барбиери медленно, с трудом опустил зажигалку на стол. Больше щелчков не было.

Марко рухнул головой на стол, его плечи судорожно вздрагивали.

Винченцо Гуэрра смотрел на меня долгих, тяжёлых десять секунд. Его лицо оставалось маской, но в глубине пепельных глаз, на дне этих ледяных озёр, что-то дрогнуло. Оценка опасного, нового фактора.

— Садитесь, синьорина ди Сангро, — произнёс он, и впервые за весь вечер моя фамилия прозвучала из его уст громко, чётко, как официальный титул. Формальное, публичное признание. — Кажется, вы заслужили право не только говорить, но и чтобы вас слушали.

Он указал на стул — тот самый, напротив его сына. Я села. Моя спина была прямой, как стальной прут. Внутри всё пело от дикого адреналина, от леденящего восторга и холодной, безжалостной победы.

Обсуждение было жёстким, как удар гранитом о гранит. Когда я закончила излагать план, Гуэрра-старший недвижно смотрел на меня. Затем, не меняя выражения, спросил тихо, но так, что услышали все:

— Синьорина. Допустим. Один вопрос. Контейнер под номером LC-455-889-02. Он сейчас в порту Ньюарка. По какому инкотермс был заключён контракт? И если таможня найдёт в нём «лишний» груз, кто по этому термину несёт риски и убытки — продавец или покупатель?

Вопрос был снайперским. Узким, техническим, из тех, что знают только логисты и бухгалтеры. Марко побледнел ещё больше — он и понятия не имел. Взгляды всех упёрлись в меня. Барбиери замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.